

7 8 1978

Наши
интервью

«Я БЛАГОДАРЕН ТБИЛИССКОМУ ЗРИТЕЛЮ»

Недавно гостем театра «Дружба» Театрального общества Грузии был заслуженный артист РСФСР, актер Ленинградского Большого драматического театра имени Горького Сергей Юрский. В течение четырех дней он выступал перед тбилисскими зрителями с большой программой, включившей в себя произведения классической и современной прозы и поэзии.

В беседе с нашим корреспондентом, а также во время встречи в Тбилисском русском ТЮЗе имени Ленинского комсомола он ответил на вопросы зрителей.

ВОПРОС: Как складываются взаимоотношения у вас, актера и чтеца, со зрителем? От чего они зависят у вас в

городе, со «своим» зрителем, во время гастролей?

ОТВЕТ: Интерес к нашему театру сегодня настолько велик, что проблемы пустых мест он не знает. Давно прошли те времена, когда театр завоевывал зрителя любыми способами. Существенным и важным становится другое — слышит ли зритель сегодняшний наш разговор? Как, о чем мы говорим с ним? Изменился зритель, изменился театр. В последние годы к этому общему интересу примешивается интерес дополнительный. Появился определенный зритель, которого я бы назвал «престижным», — он непременно стремится попасть именно на этот спектакль, и не утром, а вечером, и на соответствующие места. И он, этот зри-

тель, отслаивает от театра подлинного зрителя. Именно поэтому я теперь больше люблю утренние, выездные спектакли — во Дворцах культуры и т. д.

Гастроли всегда приносят радость встречи с новым зрителем. Они приносят «обновление», которое замечаешь не сразу.

Гастроли БДТ в Тбилиси были очень интересными, полезными для нас — они дали свежие силы, пищу для размышлений. Испытание для меня на этот раз, во время сольных гастролей (а это страшнее в двадцать раз! — выходить на сцену одному, без партнера, декораций и т. д.), был последний вечер, во время которого я читал «Веселых нянчих» Бернса и пел куплеты. Я бо-

ялся петь, ибо знаю, что в Грузии культ пения, петь умеют и строго относятся к тем, кто берется за это. И когда я почувствовал, что контакт есть, — это было самой большой радостью. Для меня четыре дня в Тбилиси были проверкой взаимоотношений со зрителями. Тем более, что я проделал эксперимент — предложил по существу единый восьмичасовой спектакль, разделенный на четыре вечера. Принцип показа был следующим — развернуть перед зрителем как бы большую выставку, через которую он проходит. Не показ одного какого-либо произведения (это я умею!), на который зритель идет и идет, как бывает во всех театрах, у нас в БДТ со спектаклями, которые мы возим на гастроли. В Тбилиси я читал каждый день новую программу. И я видел людей одних и тех же в разные вечера, которые пришли смотреть дальше. Внимание нарастало, людей прибавлялось от концерта к концерту, и от этого создавалась определенная атмосфера, когда актер вместе со зрителями входит, вживается в определенную тему. Я очень благодарен за это тбилисскому зрителю. И теперь повторю свой опыт в Москве и Свердловске.

Один из актеров как-то сказал: не существует для меня зала. Он мне мешает говорить с партнером.

Мне кажется, что отношения со зрителем должны строиться на взаимном, повышенном слушании друг друга. Тогда и возникает то, что мы высокопарно называем «чудом театра».

ВОПРОС: Как вы пришли в режиссуру? Не мешает ли

профессия актера режиссерской?

ОТВЕТ: Можно сказать, что случайно. У нас в театре я написал инсценировку «Фиесты» Э. Хемингуэя и надеялся, что буду в ней кого-нибудь играть. Георгий Александрович Товстоногов предложил мне поставить ее самому. Я работаю в БДТ 20 лет и столько же на профессиональной сцене. Иногда возникает желание работать как актеру в определенном направлении, и оно не всегда совпадает с желанием режиссера. Попробовать внести свою линию в основную линию театра — это право надо заслужить.

Трудности в совмещении профессий актера и режиссера, конечно, есть, но есть и свои преимущества. Мои наблюдения за работой таких групп, как Жана Вилара и Эдуардо де Филиппо за рубежом, у нас — «Современник», когда Олег Ефремов был там режиссером и актером, или за творчеством Василия Шукшина — кинорежиссера и киноактера привели к мысли, что в этом случае происходит выигрыш в особой сосредоточенности и душевности — режиссер не оторван от актера, если он сам играет, возникают и особые демократические отношения во время репетиций, съемок.

Сейчас повсюду идет разделение труда. Не каждый врач, к примеру, может наложить повязку, если он не хирург и т. д. Для меня своя прелесть в совмещении этих двух профессий состоит в возвращении в театр множественности функций.

ВОПРОС: Сергей Юрьевич, каковы ваши планы на будущее?

ОТВЕТ: Планы пугающие. Хочу попробовать себя в кинорежиссуре.

ВОПРОС: Где, по-вашему, легче играть актеру, в кино или в театре?

ОТВЕТ: Мое убеждение, что это две разные профессии. В кино, к примеру, совершенно иное чувство времени. И каждый актер ощущает его по-разному. Мне кажется, что Смоктуновский легче чувствует себя перед объективом.

ВОПРОС: Какими чертами, на ваш взгляд, должен обладать идеальный актер? Назовите актеров, которые вам нравятся.

ОТВЕТ: Пластичность, идущая у актера из глубины, от внутреннего движения души, от душевности, умение импровизировать и фиксировать — это довольно редкое явление и, по возможности, образованность, интеллектуальность (и, наверное, еще качеств двадцать). Зрительный зад сильно изменился, поумнел, он требует от театра, актера разговора на повышенном уровне, его интересуют современные проблемы. Именно поэтому стоит особенно пристально вглядываться в молодых, неизвестных драматургов, читать их произведения. Современная драматургия многообещающая. Что же касается любимых актеров, то их много. Я мог бы назвать моих коллег по театру, с которыми я люблю выступать как партнер, люблю им режиссировать, смотреть на них как зритель.

Беседу записала
О. МЕЛИК-ШАХНАЗАРОВА.

НА СНИМКЕ: С. Юрский.

240